

Троим моим гениальным соавторам

Когда стемнеет

Ночью в нашем переулке тихо.

Луна молчком выглядывает из-за туч. Тигровый кот бесшумно идёт на охоту за мышами. И только старые яблони в соседском саду тихо вздыхают от ветра.

А больше ничего не слышно.

Всё потому, что у нас здесь почти не бывает машин. Переулок для них узковат.

И ещё потому, что ночью здесь почти никто не ходит. Ни бесстрашная Фредерика из соседнего дома. Ни Бен с каской из дома немного подальше. Ни Пенелопа из дома в конце переулка. Потому что все спят.

Ну, почти все.

Мой брат Том в ту ночь сидел в своей постели.

Том у нас всегда засыпает первым. И спит крепче всех. И всё равно дольше всех.

Но он-то как раз и не спал.

— Ты тоже это слышал, Тео? — шёпотом спросил Том.

Разумеется, я тоже это слышал. Звук был довольно громкий.

Шорох, стук. А потом такой быстрый топоток.
Ночами в нашем переулке совсем тихо.
Разве что воры проберутся на крышу.

Про мышей и воров

— У нас тут не бывает разбойников, — сказала на следующее утро мама.

Таким же тоном, каким она утверждала летом, что у нас не бывает мышей.

Но мыши всё-таки были.

То есть одна.
Совсем маленькая.
Она попала в дом случайно, со двора.
Очень хорошенькая.
Но мама всё равно пронзительно закричала, когда мышка пробежала по её ступне.

Лотти даже зажала уши.
— Слишком громко, — сказала она.
— Слишком высоко, — сказал Том.

— Я и не знал, что ты можешь брать такие ноты, — сказал папа.

— Я тоже не знала, — сказала мама.

И вот теперь мама говорит, что у нас нет разбойников. Мы сидели в кухне. Кроме папы, который ещё спал. Мама намазывала нутеллой булочку для Лотти. По воскресеньям у нас иногда бывают булочки, а нутелла есть всегда. Если мы хотим. Мы хотим всякий раз. Особенно Лотти.

— Тогда, может, у нас есть воры? — размышляла Лотти. — Это плохо. Пони не любит воров. — И она стиснула своего плюшевого единорога. То ли в утешение, то ли просто так.

— Нет, у нас нет воров, — сказала мама.

— Тогда грабители? — спросил Том. — Это плохо. Я не хочу, чтобы угнали мой новый велосипед. — И онглянулся в кухонное окно — во двор, где стоял его синий велосипед. Только чтобы убедиться, что он на месте.

Он был на месте. Стоял у покосившегося сарая и блестел на солнце.

— А ты ставь его в сарай, — сказал я Тому. — А то ты всегда забываешь.

— Не беспокойся. У нас и грабителей нет, — сказала мама и чуть не облизала нутеллу с ножа.

— А что тогда прошлой ночью шумело на крыше? — спросил я. — А скажи-ка, мама.

— Тигр? — предположила она.

Тигр — это большой полосатый кот, который живёт у бесстрашной Фредерики, когда не лазит по задворкам, по садам и — да, по крышам.

— Но Тигр же очень тихий, — возразила Лотти. — Он делает вот так.

И она посадила своего единорога Пони на стол между тарелок, плюхнулась на истёртый дощатый пол и показала, как крадётся Тигр. Она сама стала Тигром.

Лотти ещё маленькая, ей всего три года, и потому это и впрямь выглядело мило. Но всё равно как-то непохоже.

— Нет, вот так, — сказал Том.

Он встал, едва не опрокинув при этом свой стакан с молоком, и показал, как крадётся Тигр. Он тоже стал Тигром.

Но поскольку ему уже шесть лет и ещё он очень высокий и сильный для своего возраста, выглядело это уже не так мило. И тоже как-то непохоже.

— Да вы совсем не так делаете, — сказал я.

Мне ведь уже семь лет, я многие вещи знаю лучше. Иногда Том и Лотти это признают. Но в основном всё же нет.

— Ты плохой! — кричит Лотти. —

Мама, Тео плохой.

— Что, правда? — спрашивает мама и намазывает булочку нутеллой.

— Да. Тео — дурак, — сказал Том.

Мама вздыхает.

Я смеюсь над ними обоими.

Это выводит их из себя.

Том ринулся ко мне, и его стакан всё-таки опрокинулся. Увидев, что её единорог Пони сидит в луже молока, Лотти заревела.

А мама, пока мы дрались, надкусила свою булочку с нутеллой и с полным ртом (а так она обычно не делает) сказала:

— А вы не могли бы драться потише?

— Мама, — сказал я ей.

— Дурак! — сказал мне Том.

— Бу-у! — сердито выкрикнула Лотти.

За всем этим происшествием мы забыли про разбойников. Они ведь уже ушли.

Так мы думали.

Пока у нас не украли велосипеды.

У нас будет живь квартирант

Один из велосипедов принадлежал нашему новому квартиранту.

— Что такое квартирант? — спросила Лотти.

До сих пор у нас его никогда не было.

— Это человек, который у нас спит, ест, принимает душ и платит за это, — объяснил пapa.

Стоял воскресный день. Светило солнце. Было тепло, хотя уже почти наступила осень. Мама снова прилегла, зато пapa встал и подрезал во дворе розы.

Мы помогали.

Я помогал тем, что измельчал длинные стебли, которые пapa срезал с живой изгороди.

Том помогал тем, что не резал себе пальцы садовыми ножницами.

Лотти помогала тем, что не мешала нам. Она сейчас была принцессой за колючей живой изгородью.

Она играла, а мы обрезали и кромсали.

— Теперь я буду драконом, — вдруг сказала Лотти.

И стала драконом. И изрыгала огонь, рычала и скалила зубы, чтобы все боялись.

— Здорово, — сказали мы с Томом.

И наши ржавые садовые ножницы стали блистающими шпагами, а мы стали рыцарями.

— Язываю дракона на бой! — крикнул Том Храбрый.

— А я спасу принцессу! — крикнул я, Тео Неустранный.

— Не, не ты, — сказала Лотти. — Она уже давно сама спаслась.

Тут мы решили сражаться не против дракона, а между собой. В конце концов, для порядочной дуэли всегда нужен противник.

И мы дуэлировали на славу.

Я, Тео Неустранный, кричал:

— Вот тебе, злодей!

А злодей, то есть Том Храбрый, кричал:

— Сам злодей!

А Лотти-дракон прыгала вокруг и изрыгала пламя.

И славная битва длилась до тех пор, пока папа не спросил, обязательно ли господам и дамам и рыцарям

и драконам топтаться по куче обрезков живой изгороди. Которая уже перестала быть кучей. И кто теперь будет снова сметать всё в кучу.

Никто.

Чтобы отвлечь папу, я осведомился, когда же явится наш квартирант, который собирается у нас спать, принимать душ и есть.

— Сегодня вечером, — сказал пapa.

— А почему он вообще будет всё это делать у нас? — спросил Том. — Разве он не должен спать, принимать душ и есть у себя?

— Ему нужно жильё, а нам нужны деньги, — сказал пapa.

— А-а, — поняли мы с Томом.

Лотти ещё слишком мала, чтобы понимать про деньги. Она радуется монетке в один цент и монетке в один евро одинаково. Главное, что они блестят.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru